

22. Litnevskaja E. I. Pis'mennaja razgovornaja rech': mif ili real'nost' // Vestnik MGU. Ser. 9: Filologija. 2011. № 5.

23. Litnevskaja E. I. Razgovornaja rech' v stilistike i kollokvialistike (K opredeleniju ponjatija) // Vestnik Centra mezhdunarodnogo obrazovanija Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologija. Kul'turologija. Pedagogika. Metodika. 2011. № 2.

Colloquial speech and colloquial style of the Internet epoch

The article deals with the changes in colloquial speech and colloquial style in the last few decades: widening of the communicative space of informal communication by means of Internet communication, changes in the vocabulary of colloquial speech, intensification of language pun and stylistic contrasts.

Key words: *colloquial speech, colloquial style, colloquial vocabulary, Internet communication, new colloquialism, language pun.*

(Статья поступила в редакцию 10.10.2016)

**В.А. ЧИЖОВА, М.С. КРАПИВИНА,
Е.Е. МАТЮШЕНКО**
(Волгоград)

ДВЕ СТОРОНЫ ВОСПРИЯТИЯ РЕЧИ

Поднимается проблема соотношения чувственного и рационального в языке. Осознание как устной, так и письменной речи основывается на чувственном восприятии ритмического рисунка того или иного речевого отрезка. Делается предположение о первостепенной значимости ритма для восприятия речи. В прикладном аспекте материалы исследования могут послужить основой для разработки методов преподавания иностранного языка, последовательно учитывающих системную взаимосвязь чувственного и рационального.

Ключевые слова: *психолингвистика, письменная речь, устная речь, ритм, восприятие речи, методика преподавания иностранного языка.*

Исследование природы чувственного и рационального познания в философии и психологии имеет длительную историю от противопоставления этих видов познания до декларирования их взаимосвязи.

В лингвистике данная проблема имеет две стороны. Одна из них – это взаимосвязь чувственного и рационального познания в процессе речевой деятельности, т. е. в конкретной речевой ситуации, а другая – соотношение чувственного и рационального в самом языке, что можно интерпретировать как единство чувственной формы и рационального содержания.

Познание в речевой ситуации – это получение знаний слушателем или читателем из определенной информации, объединяющей факты, мысли и оценки.

В устной речевой ситуации носителями информации являются не только языковые, но и другие знаки, объединяемые в семасиологии в единую систему знаков-символов. Более того, в устном общении информацию можно получить вообще без использования вербальных знаков, опираясь только на предметную обстановку, жесты, мимику, позы. В письменной речи указанные невербальные знаки также присутствуют, но в виде словесного описания. Например, «– Очень мило, – улыбнулась я» [2], «Я развела руками: – Отстала от прогресса» [Там же], «–Прекрати! – топнула Ритуля» [Там же]. Эмоции также поддаются вербальному описанию: «– Это кто тут старушка, трухлявая перечница? – разозлилась я. – Цыганка? – удивилась Лаура. – Вы о ком?» [Там же].

Вербальное выражение невербальных знаков и эмоций активизирует в процессе восприятия письменной речи не только эмоционально-образное мышление, но и мышление в целом на основе уже сформированных нейронных связей или ассоциаций. Существующее выделение разных уровней мышления имеет формально-логический характер, а целостный мыслительный процесс не поддается формально-логическому анализу, хотя бы из-за его скорости. Однако можно предположить, что началом этого процесса является эмоциональная реакция, а эмоции, в свою очередь, возникают изначально как продукты ощущений, т. е. механизмы чувственного восприятия действительности. Отсюда наличие в языке междометий. Чувственную природу имеют и звукоподражательные слова, демонстрирующие элементы рационального мышления.

В процессе речевого общения никакая логическая, т. е. рациональная, информация не может быть «очищена» от эмоционального отношения к ней. Эмоциональное отношение к смыслу высказывания (идее, факту) выражается не только вербально, т. е. оценочными кон-

нотациями в семантике слова, но и различными проявлениями телесной моторики. Даже научный стиль речи не может быть избавлен от оценочности, которая эксплицитно выражается, например, словами «вероятно», «несомненно», «впрочем», а имплицитно сочетаниями «по мнению...», «по выражению...», «с точки зрения...» и т. п. Эмоциональное состояние автора при этом можно обозначить словами «сомнения», «уверенность», «согласие» или «отрицание». Нетрудно догадаться, что за всеми указанными вербальными знаками скрывается оценочное противопоставление «правильно – неправильно», «хорошо – плохо», «нравится – не нравится».

Связь вербальных и авербальных средств общения двояка: она выражается как взаимозаменой, так и взаимодействием. В письменной речи словесная замена жестов, мимики, позы и других проявлений телесной моторики вполне очевидна. Заметим также, что интонация на письме выражается знаками препинания, которые по сути являются иероглифами и в рамках письменной речи могут рассматриваться и как своеобразные вербальные средства, и как авербальные, тогда как сама интонация не отделима от слова или предложения. В устной речи слова и целые предложения могут замещаться различными проявлениями телесной моторики как неотъемлемой частью устного речевого общения. Телесная моторика либо замещает речь, либо сопровождает её.

Данное утверждение является в сущности хрестоматийным, но не для всех практикующих лингвистов. В связи с этим попробуем описать звуковую форму речи с позиций элементарной физиологии. Указанная форма представляет собой сочетание голоса и шума, т. е. гласных и согласных звуков. Гласные звуки образуются воздействием воздушной струи на голосовые связки, т. е. физиологической основой гласных звуков являются дыхание и связанная с ним мышечная активность. Согласные звуки образуются прежде всего в результате как полного, так и неполного смыкания наиболее активных органов речи, т. е. опять же в результате мышечных движений. Телесная моторика, связанная с дыханием, также присутствует, но не так заметна, как при образовании гласных. Звукообразующие мышечные движения в ходе овладения устной речью постепенно становятся условно-рефлекторными. На основе этих движений вместе с развитием речи развивается и жестикуляция. Предполагаем также, что усложнение и обогащение устной речи влияет на развитие телесной моторики в целом.

Взаимосвязь устной речи и телесной моторики имеет существенное значение для овладения вторым языком, т. е. иностранным. Здесь мы снова возвращаемся к проблеме соотношения чувственного и рационального в языке и, соответственно, к проблеме восприятия речи – как устной, так и письменной.

В существующей методике преподавания иностранного языка чувственное восприятие речи учитывается разве что при постановке произношения на уровне «слушайте – повторяйте» и использовании прямого метода при изучении лексики. Последний возвращает нас в давние времена, когда слово понималось только в рамках симпрактического контекста, т. е. было семантически аморфным. Это положение подтверждается многочисленными исследованиями детской речи и некоторых диалектов. Однако синсемантическая структура современного слова в разных языках не означает полную утрату симпрактических характеристик как внутри семантического поля, так и при его восприятии и усвоении.

Анализируя развитие значения слова в онтогенезе, А.Р. Лурия выделяет три этапа: аффективный (аффективное восприятие окружающей действительности и, соответственно, слова), наглядно-действенный (слово напрямую связано с конкретными предметами и действиями), отвлеченный вербально-логический (слово приобретает парадигматический характер). При этом последний этап вовсе не означает утрату предыдущих связей. По мнению ученого, они сохраняются в скрытом виде [4, с. 64].

Таким образом, при восприятии слова активируются все виды связей, которые можно интерпретировать как чувственные, эмоционально-образные и понятийно-логические. Указанные связи образуют единую основу восприятия слова или целого высказывания, т. е. имеют системный характер. Отсюда, однако, возникает вопрос о структуре данной системы, т. е. о характере взаимодействия всех её элементов или их соотношении.

Можно предположить, что в устной речевой ситуации восприятие предметной обстановки и телесной моторики выходит на первый план. Об этом может свидетельствовать замена слов жестами. В письменной речи, наоборот, именно слова возбуждают в памяти различные образы и аффективное отношение к ним. Здесь возникает еще один вопрос: участвует ли в восприятии письменного текста телесная моторика? Если да, то каким образом?

А.Р. Лурия в монографии «Язык и сознание» приводит любопытный пример, каса-

ющийся наблюдений французского ученого Тапполе: когда ребенку в возрасте примерно одного года задавался вопрос на родном для него французском языке «Где окно?» (*Où est la fenêtre?*), он поворачивался к окну, однако замена «французского» вопроса соответствующим «немецким» (*Wo ist das Fenster?*) сопровождалась тем же движением. Отсюда следовал вывод о восприятии ребенком не слов, а интонации и жестов, влияющих на восприятие ситуации [4, с. 57]. Но так ли это? Сомнение вызывает полное сходство интонационных рисунков. Кроме того, при обучении пению взрослых «непоющих» людей один из авторов этой статьи заметил, что усвоение мелодии (мелодических интервалов) не вызывает никаких затруднений, если усвоен ритм, а вот усвоение ритма весьма проблематично, что выражается отсутствием адекватного восприятия соотношения сильной и слабой долей музыкального такта. Данное соотношение впоследствии было названо ритмическим интервалом [5, с. 223] и послужило основой для разработки специальных упражнений, связывающих в одно целое речевое и вокальное звукоизвлечение, дыхание и мышечные движения.

Нетрудно заметить, что указанные вопросы *Où est la fenêtre?* и *Wo ist das Fenster?* имеют одинаковое количество слогов (первый слог в слове *fenêtre* не произносится), следовательно, можно предположить и идентичность ритмической структуры. Отсюда можно сделать предположение о первостепенной значимости для восприятия речи именно ритма.

Восприятие и воспроизведение как ритмической, так и мелодической структуры речевых единиц имеет рефлекторный характер. Речевые рефлексы в целом рассматриваются как произвольные (условные, вторичные). Однако в психолингвистической литературе обсуждается также вопрос «о врожденных механизмах, обеспечивающих процесс обучения вообще, включая и обучение речи» [1, с. 18]. В основе таких механизмов, возможно, лежит так называемое явление ауторитмики. Основываясь на исследованиях этолога К. Лоренца, И.Н. Горелов предполагает, что явление ауторитмики может послужить объяснением характера «врожденных и не стимулируемых извне типов активности человека, включая так называемый “исследовательский рефлекс”, “рефлекс хватания” и активность органов артикуляции, а также всей совокупности, составляющей способность к подражанию» [Там же, с. 18].

Понимание рефлекса как ауторитмики, «поставленной под афферентный контроль» [Там же, с. 18], напрямую связывает устную

речь с телесной моторикой, обусловленной ритмом дыхания. В процессе восприятия письменной речи телесная моторика может присутствовать в виде ритмических микродвижений.

Таким образом, восприятие как устной, так и письменной речи основывается, вероятно, на чувственном восприятии ритмического рисунка того или иного речевого отрезка. Следует заметить, однако, что чувство речевого ритма не может быть одинаково развитым у всех носителей языка, поскольку зависит от условий физического, психологического и интеллектуального развития человека.

Полагаем, что ритмический интервал как соотношение сильного и слабого слогов не может быть одинаковым даже в поверхностно сходных вербально-ритмических структурах, как, например, в словоформах «сумка» и «куртка». Однако для подтверждения этой гипотезы необходимы лабораторные исследования с помощью достаточно чувствительной аппаратуры.

В психолингвистической литературе не раз излагались результаты исследований, посвященных особенностям речевого звукоизвлечения. Их обзор был весьма подробно представлен И.А. Зимней. При этом в определении сложного речевого сигнала предлагалось учитывать «только четыре параметра», к которым относятся частота колебаний звуковой волны, время звучания, форма звуковой волны и энергетическая мощность [3, с. 284–285]. На физиологическом уровне последовательно изучались также движения гортани и окологубных мышц. Существенно дополнить подобные исследования может, на наш взгляд, изучение макро- и микродвижений целостной системы мышц в неразрывной связи с ритмом речевого дыхания. Такого рода исследования возможны и с помощью «естественной аппаратуры», т. е. механизмов чувственного восприятия, прежде всего зрительного, слухового и в определенной степени тактильного. Для достоверности результатов необходима, конечно, разработка соответствующей методики исследования. Суть одного из уже разработанных методов заключается в удлинении микропаузы между сильным и слабым слогами в условиях восприятия слова на слух. Такое удлинение позволяет сознательно контролировать дыхание и сопряженную с ним телесную моторику. Правильность бессознательного (чувственного) восприятия проверяется а) точным воспроизведением всей звуковой формы речевой единицы иностранцами; б) мелодически правильным воспроизведением музыкального такта «непоющими» носителями языка.

Интерпретацию ритмического интервала как соотношения сильного и слабого слогов на уровне звуковой формы можно перефразировать как соотношение сильных и слабых элементов речи, организующее речевую систему в целом. Наиболее явным проявлением такой организации можно считать наличие антонимов и синонимов, а в грамматике – степеней сравнения качественных прилагательных. Интервальное сравнение имеет, вероятно, и семантика многозначного слова.

Описание речевой системы с помощью ритмических интервалов разного уровня находится в полном соответствии с основной операцией мышления – сравнением и ассоциативностью как следствием сравнения.

Очевидно, что в основе ритмической организации речевой системы лежит функционирование нервной клетки. Последнее замечание возвращает нас к явлению ауторитмики, которое можно рассматривать как врожденный механизм последующего развития мышления и речи в тесной связи с развитием условных рефлексов.

Организацию речевой системы на основе ритмических интервалов разного уровня не следует отождествлять с владением речью всех ее носителей.

Нарушение ритмических связей особенно ярко проявляется при восприятии и воспроизводстве речи в процессе изучения иностранного языка учащимися, которые используют исключительно сознательные методы усвоения всех речевых явлений. Наиболее абсурдными представляются, например, попытки усвоения русского ударения через письменную речь с графическим выделением ударного гласного. Абсолютно бесполезными, а возможно, и вредными являются попытки овладения звуковой формой речи через описание артикуляторных движений, не подчиняющихся никаким волевым усилиям. Указанное описание входит в систему чисто теоретических знаний о языке.

Очевидно, что овладение звуковой формой иностранного языка предполагает формирование вторичной системы рефлексов. Менее очевидна рефлекторная основа усвоения лексической системы на уровне семантики. Здесь рефлекторность проявляется в процессе формирования эмоционально-образных и понятийных связей, демонстрируя переход от чувственного к рациональному.

В методике преподавания иностранного языка до сих пор используется так называемый переводной метод, при котором формируется понятийная связь иностранного сло-

ва с соответствующим словом родного языка, а также с его семантическим и ассоциативным полями. Тем самым блокируется усвоение семантических связей внутри лексической системы изучаемого языка. Блокируются и лексико-грамматические связи на уровне восприятия словообразовательных гнезд. Так, например, китайские студенты, активно использующие переводной метод, игнорируют наличие единого понятийного ядра в разных морфологических формах. Следует отметить, однако, некорректность простого отрицания переводного метода и его замещения другими.

В связи с этим весьма актуальной становится проблема формирования новой методики преподавания иностранного языка, последовательно учитывающей чувственную основу восприятия и рефлекторность речевых навыков. Уже существующие методы – прямой и ситуативный – демонстрируют интуитивное понимание указанной проблемы, для решения которой целесообразно начать с исследования ритмических интервалов на уровне звуковой формы речи.

Список литературы

1. Горелов И.Н. Избранные труды по психолингвистике. М.: Лабиринт, 2003.
2. Донцова Д.А. Фигура легкого эпатажа: роман. М.: Эксмо, 2011.
3. Зимняя И.А. Лингвopsихология речевой деятельности. М.: Моск. психол.-соц. ин-т. Воронеж: МОДЭК, 2001.
4. Лурия А.Р. Язык и сознание / под ред. Е.Д. Хомской. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979.
5. Чижова В.А. Лингвокультурология и ритмы речи // Язык на перекрестке культур: междунар. сб. науч. тр. по лингвокультурологии / под ред. Е.Е. Стефанского. Самара: Самар. гуманитар. акад., 2007. С. 222 – 227.

* * *

1. Gorelov I.N. Izbrannye trudy po psiholingvistike. M.: Labirint, 2003.
2. Doncova D.A. Figura legkogo jepatazha: roman. M.: Jeksmo, 2011.
3. Zimnjaja I.A. Lingvopsihologija rechevoj dejatel'nosti. M.: Mosk. psihol.-soc. in-t. Voronezh: MODJeK, 2001.
4. Lurija A.R. Jazyk i soznanie / pod red. E.D. Homskoj. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1979.
5. Chizhova V.A. Lingvokul'turologija i ritmy rechi // Jazyk na perekrestke kul'tur: mezhdunar. sb. nauch. tr. po lingvokul'turologii / pod red. E.E. Stefanskogo. Samara: Samar. gumanit. akad., 2007. S. 222 – 227.

Two sides of speech perception

The article deals with the issue of correlation of the perceptual and the rational in language. Perception of both oral and written speech is based on the sensory perception of the rhythmic picture of this or that speech extract. The authors assume that the rhythm is of the primary importance for speech perception. The research results may be used as the foundation for elaboration of foreign language teaching methods that take into consideration the system correlation of the perceptual and the rational.

Key words: *psycholinguistics, written speech, rhythm, speech perception, foreign language teaching methods.*

(Статья поступила в редакцию 09.09.2016)

Т.П. АКИМОВА
(Волгоград)

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ОНИМОВ В ЭПИСТОЛЯРИИ В.П. АСТАФЬЕВА*

Проанализированы особенности использования прецедентных имен в частных письмах В.П. Астафьева. Дано описание разновидностей прецедентных онимов, используемых писателем. Определены языковые средства, позволяющие актуализировать переносное значение онима, в результате чего имя приобретает свойства прецедентной единицы. Определена специфика употребления прецедентных имен в эпистолярном тексте.

Ключевые слова: *интертекстуальность, прецедентное имя, оним, частное письмо, имя собственное, эпистолярный текст.*

В современном языкознании активно исследуется феномен интертекстуальности, под которой понимается «включение в текст либо целых других текстов с иным субъектом речи,

* Работа выполнена в рамках проекта №16-14-34501 г(р) «Диалекты как экологическая зона языка. Всероссийская научная конференция, посвященная памяти профессора Р.И. Кудряшовой», поддержанного РГНФ.

либо их фрагментов в виде маркированных или немаркированных, преобразованных или неизмененных цитат, аллюзий, реминисценций» [4, с. 346].

С интертекстуальностью тесно связано понятие прецедентности. К прецедентным традиционно относятся тексты (в широком смысле), 1) значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях; 2) имеющие сверхличностный характер, т. е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников; и, наконец, 3) такие, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности [7, с. 216].

Функционирование прецедентных феноменов в различных видах дискурса имеет существенные различия [2; 6; 10; 11; 12 и др.]. Актуальным направлением в изучении прецедентных текстов является анализ их использования в эпистолярном наследии писателей (в частности, А.П. Чехова [1; 3]), ученых [9], т. е. людей, внесших значительный вклад в развитие национальной культуры. Результатом подобных исследований становится характеристика идиостилия частной переписки, отражающая своеобразие той или иной авторитетной языковой личности.

Разграничивая разнородные прецедентные феномены, исследователи выделяют следующие их типы: прецедентные тексты, прецедентные высказывания, прецедентные ситуации и прецедентные имена (далее – ПИ) [5, с. 83]. Существует широкое и узкое понимание ПИ. Так, Е.А. Нахимова включает в рассматриваемые единицы как имена собственные, употребляемые в метафорическом значении, так и онимы, реализующие первичное значение: «... различия между двумя рассматриваемыми типами значения связаны с тем, что в первом случае слово связано с традиционным денотатом (референтом), а во втором – с совершенно иным денотатом (референтом)» [8, с. 50].

Другие авторы считают «индивидуальное имя, связанное или с широко известным текстом, как правило, относящимся к прецедентным (например, Печорин, Теркин), или с прецедентной ситуацией (например, Иван Сусянин); это своего рода сложный знак, при употреблении которого в коммуникации осуществляется апелляция не собственно к денотату,